

И я иду в безмолвье ада,
Раз надо Родине – мне надо.

Николай Кирженко

...А письма все шли и шли. Восьмого июня, девятого... Лена вынимала их из почтового ящика, и ненадолго отпускала тревога: жив, здоров. Все так же заботлив и нежен ее Саша. И двенадцатого, в субботу, вскрывая конверт, опять улыбнулась трехлетнему сынишке: “От папы”.

Тринадцатого ей сообщили, что ее муж, старший лейтенант Александр Александрович Муравьев, погиб, исполняя интернациональный долг.

Шел 1982 год.

* * *

– Тетя Оля, расскажи мне про папу маленького!

Большущие глаза – отцовские! – смотрят с нетерпеливым ожиданием.

В роду Муравьевых он, Саша, младший. Александрями были и дед и прадед. Александром звали отца. Саша-младший удивительно похож на него. Отец был высок, широкоплеч, прекрасно сложен (все школьные годы занимался спортом). На открытом, улыбчивом лице – необыкновенные (“не забыть их!”) глаза. И теперь друзья, родные узнают в Саше-младшем отца.

Во внешности, в походке, в манерах, даже в характере. Может, еще и поэтому малыш так любил слушать рассказы тети Оли “про папу маленького”.

В сердце Ольги Александровны свежи воспоминания детства.

...Вот Саша готовится идти в первый класс школы N 5, и она тоже вертится перед зеркалом, пытаясь завязать огромный бант. Саша посмеивается:

– Рано тебе еще, через два года в школу возьмут!

Учиться он сразу стал хорошо, был почти отличником, и учителя говорили маме: “Смышленный мальчик”. Потом, правда, оценки стали хуже, как нередко бывает, но тяга к учению осталась.

...– Да где же Саша-то?! – мама очень взволнована. Отправила сына в магазин, а его все нет и нет. Оля поминутно выглядывает в окошко.

– Мама, смотри скорее!

Не спеша по улице идет Саша. Рядом огромная собака... несет в зубах его сетку.

Животных Саша очень любил. Не мог пройти мимо кошки или собаки, не погладив, не приласкав. И нередко незнакомые псы преданно провожали его до самого дома. Об этой его страсти знали все – родители, друзья, одноклассники.

Наконец и в их квартире появился щенок. Маленький черный Дикарь. До чего с ним весело было играть! Брат с сестрой росли шумные, шаловливые, случалось, и дрались. Вот уж этого Дикарь не любил. Лаял, бегал вокруг, хватал Олю за платье, Сашу за штаны. И – прекращал потасовку.

Через полгода Дикаря не стало. Спасти не смогли. Плакали всей семьей. И мама после этого сказала:

– Все, собак в доме больше не будет.

Саша отводил душу с собаками чужими, а в деревне у бабушки, куда они ездили каждое лето, его страстью становились лошади.

... – Оль, есть ведь в доме конфеты!

– Точно есть! Давай найдем? – Оля с готовностью вскакивает.

– Давай!

Приближался какой-то праздник, а это значило, что мама уже купила самых-самых вкусных конфет и где-то спрятала... Но не от острых глаз догадливых своих “следопытов”.

– В шкафу?

– Было.

– А где не было?

– Давай заглянем в электропечь! *

Конфеты найдены и уплетаются с восторгом: победа! А потом, конечно, – расплата: в праздник – без конфет.

Выходной. Мама хлопочет у духовки, печет пироги: как обычно, сегодня придут родные. Будет многолюдно и весело.

Многолюдно у Муравьевых бывало нередко. И в Сашины школьные годы, и позднее, когда он стал курсантом Череповецкого высшего военного училища радиозлектроники. По словам однокурсника Александра Г. С. Бойцева, ныне майора, все они для Сашиной матери были родные.

К Муравьевым можно было прийти независимо от того, дома Саша или нет: Зоя Александровна всегда накормит, напоит, расспросит, какие новости, пишут ли из дома. Отец поинтересуется делами в училище.

Вечерами семья собиралась на кухне. Обсуждали, что у кого случилось – в школе и на работе. Сашин отец работал на Череповецком металлургическом комбинате, сначала начальником группы композиционной наплавки, а затем, когда стало сдавать здоровье, – сварщиком на стане “2000”. Мама заведовала магазином N 7 горпищеторга.

Если бывали неприятности, вместе искали выход, если радость – тоже делили на всех. Вместе решали и что купить из вещей. Дети, кстати, всегда знали, где родители хранят деньги, но ни разу ни один не взял без спроса ни копейки. Видно, урок с конфетами запомнился.

...Воспоминания детства. Обычно они вызывают улыбку, согревают своим давним теплом, но у Сашиной сестры заставляют сжиматься сердце в щемящей боли.

В добром и открытом доме Муравьевых и дети росли открытыми и добрыми. “Мухи не обидит”, – говорили о Саше. В классе ласково звали Ванечкой – за душевность, доброжелательность, так свойственные Иванам из русских сказок.

А профессию выбрал военную. Жестокую, по нашим понятиям. Но, может быть, потому и выбрал, что по-настоящему любил людей. Когда вводили в Афганистан войска, объясняя всем, что это делается “для защиты южных границ Родины и наших друзей”, – Саша подал рапорт с просьбой направить его туда.

– Это было не просто желание испытать себя, не жажда романтики, – не столько утверждает, сколько размышляет майор А. В. Гайтанов, однокурсник Александра. – Нечто большее движет военными в такой ситуации.

Быть может, доля объяснения – в словах классного руководителя Л. Г. Шишкаревой: “В ребятах Сашиного класса очень сильно было чувство долга”.

Долг перед Родиной. Воинский долг.

Эти слова приходилось слышать каждый раз, как только заходил разговор об Александре Муравьеве. Его друзья,

родные, педагоги произносили их очень естественно, без всякого пафоса: это чувство, сильное и гордое, жило и в них. Это понятие было из системы ценностей, принятой в их кругу, ценностей, которые исповедовал Саша.

Курс, на котором учился Александр, был сильным. Немало доброго осталось в училище благодаря этому курсу. Появился туристский клуб, курсанты прошли по “дороге жизни”, видели Закарпатье, Кавказ, Карелию. Увлечлись гребным и парусным спортом, стали призерами Северо-Западной зоны в гребле на ялах. Много было и других начинаний у десятой роты, где учился Александр Муравьев. Нет, не во всех делах оказывался заводилой именно он. Но запомнился однокашникам причастным ко всему.

“Он был самым интересным среди нас” – считают друзья.

– А главное – это был человек колоссальной надежности, – добавляет майор В. Л. Тамп, ныне преподаватель Череповецкого высшего военного училища радиоэлектроники. – Я помню далеко не всех, с кем учился, но Сашу помню очень хорошо.

Проявлялась надежность во всем. И во время учений. И в наряде (“С ним хорошо было дежурить: никогда не переключивал работу на плечи другого, скорее сам поможет”). И просто в дружбе.

...Они были в училище как четыре мушкетера: Иван Горбунов и три Александра – Муравьев, Гайтанов и Смолич. Спаяла их любовь к армии. Все отслужили “срочную”, знали трудности армейской доли, но выбрали армию своей профессией, делом жизни.

Увлекались практически всем, жили очень наполненно. Саша Муравьев таскал товарищей на хоккей, на занятия парашютным спортом, боксом – на все, чем увлекался сам. После хоккея, где кричали до сумасшествия, они могли пойти на серьезный фильм, требующий внимания и раздумий. Саша Смолич возглавлял училищный ВИА, возлагая на друзей “ответственную” роль носильщиков аппаратуры. Им и это было интересно. Организовывали вечера, приглашали студенток из соседнего пединститута. А потом у всех трех Александров появились (бывают же совпадения!) невесты Елены. К концу учебы сыграли три свадьбы и шутили: “Будут в нашей компании три Сан Саныча!” Почти в одно время у всех троих родились сыновья...

Военная служба разбросала друзей. Александр Муравьев получил направление в Подмоскowie, в воздушно-

десантные войска. Он сам хотел в десантные. Почему? Этого мы уже не узнаем. Может быть, это была дань юношеской мечте о летном училище, желание прийти к той цели, на полпути к которой остановился отец. (Старший Муравьев училище не закончил – не прошел очередную медкомиссию). Может, просто хотел продолжить традицию, ведь в армии Саша служил десантником. А может, все-таки надеялся, что так скорее попадет, в Афганистан? Сестре на расспросы он коротко сказал: “Так надо...”

В Афганистан его направили в 1981-м.

Письма приходили сдержанные и успокаивающие.

“Что говорят, то больше слухи”, – писал Саша.

Через несколько месяцев он, как и многие наши ребята, переболел гепатитом и получил направление в санаторий. Но у Саши были дела поважнее, чем укрепление собственного здоровья. Взяв с собой Лену, он поехал на место прежней службы, в Подмоскovie: в Афганистане погиб Володя Ступицкий, и Саша не мог, находясь в Союзе, хотя бы в сороковой день не прийти к его жене. Тем более что на операцию Володя ходил с его, Сашиной, ротой...

А в Череповце его ждали друзья. У Саши Смолича был день рождения, и празднование его откладывалось до приезда Муравьевых.

В этот приезд он был не похож на себя. Так говорили все, кто видел его. В этот приезд он даже в школу не пришел.

Людмила Георгиевна Шишкарева, встретив его с сыном у магазина, удивленно спросила:

– Что же ты не заходишь, Саша?

– Мне не с чем к вам идти, Людмила Георгиевна.

– Как не с чем? – она не поняла сразу. – Разве раньше ты приходил с чем-то?

– С душой, – сказал он очень серьезно. – А сейчас она не на месте... Успокойся – приду.

Перед ней стоял взрослый, возмужавший человек. Жестче стали черты лица, и глаза, всегда полные света (“Удивительные глаза!” – говорят все, кто знал его), стали, казалось, темнее и глубже, словно прятал он от людей большую боль.

Душа его не успокоилась.

Он видел кровь и смерть. На его глазах – в какие-то мгновения – стал седым девятнадцатилетний мальчишка, когда увидел, что сделали с его товарищем душманы. Он знал, что для афганцев, объединившихся под зеленым знаменем “джихада” – “священной войны с неверными”, все

они были врагами, независимо от того, пришел ли ты в кишлак с автоматом или с грузом продовольствия и медикаментов. Он, привыкший любить и ласкать все живое, должен был посылать людей на смерть...

– Может быть, он раньше нас, тех, кто оставался здесь, понял правду об Афганистане – правду, которую мы начинаем узнавать только сейчас, – задумчиво говорит начальник курса, где учился Саша, подполковник в отставке Э. П. Амилявичус.

Друзья-военные не досаждали ему вопросами, чувствуя, как тяжело Александру.

И только с женой и сыном он сумел остаться прежним.

Как он любил их! На руках носил. Лена перебирает в памяти часы, дни, проведенные вместе, и вдруг вспоминает, как в первые дни их семейной жизни сварила суп. Саша ел, как ни в чем не бывало, только задумчиво и мягко сказал:

– Знаешь, по-моему, здесь чего-то не хватает...

Лена попробовала – и не смогла проглотить ни ложки (“Ничего-то я тогда не умела”). Зато Саша умел делать все. И обед приготовить, и уборку сделать. (“За ним мы были как за каменной стеной”). Он очень терпеливо ждал, когда Лена станет прекрасной хозяйкой.

Нежным и терпеливым он был и в свой последний отпуск.

– Только ночью, во сне, вдруг закричит: “Я тебе приказываю, стреляй!” – вспоминает Лена. – Разбужу его: “Саша, ты дома...”

А он всегда нервы в кулаке держал. Какие же потрясения пришлось ему испытать, если при его-то хладнокровии они не отпускали его даже ночью, прорываясь из глубин подсознания страшными видениями?! Он никогда не перекладывал груз своих переживаний на плечи друзей и близких. Наоборот, старался ободрить.

Это в нем было от мамы. Зоя Алексеевна даже после смерти сына была такой же приветливой к людям, всегда на лице ее видели улыбку. И поражались выдержке. Друзья знали, что Саша был для нее всем в жизни, она просто боготворила его. Однажды он с женой приехал в отпуск без предупреждения, сюрпризом. Она упала в обморок: “Не прислали телеграмму – значит, что-то случилось”.

– Это была какая-то неземная любовь, – говорит Лена, – и Саша отвечал ей тем же.

С детства для него было так: что мама сказала – то и закон. Став постарше, заботился о ней, оберегал. И не сте-

снялся, как бывает, своей сыновней любви. Многие помнят, как на школьном выпускном при первых звуках вальса Саша пошел приглашать на танец маму. А позднее, в училище, выкраивал из курсантской стипендии деньги, чтобы сделать ей подарок ко дню рождения: изящный сервиз, красивый платок...

– Он умел любить так, как сейчас не любят, – волнуясь, говорит Лена. – Мы с Сашкой тоже были для него всем.

Из отпуска Александр уезжал трудно. Возьмет билеты – и сдаст. Возьмет – и сдаст. Это было настолько несвойственно ему, человеку долга, что казалось фантастическим. Знал, что уходит туда, откуда не возвращаются? Предчувствовал смерть? Не станем гадать.

* * *

Лучшие ребята из ребят
Первыми уходят, как ни странно.
Но не будем плакать неустанно,
Мертвые нам это не простят...

После смерти мужа Лена завела блокнот, куда стала записывать стихи – те, что помогали выстоять. Строчки, которые вы прочитали, стали в том блокноте эпиграфом.

Сашу помнят. В школе № 20 бережно хранят в музее его личные вещи и документы. А у входа над школой – мемориальная доска: “Здесь с 1964 по 1972 год учился старший лейтенант Александр Александрович Муравьев”. Сохранить память о Саше помогли его классный руководитель Л. Г. Шишкарева и его одноклассники.

Он жив в памяти многих людей. Проезжая мимо воинского кладбища, всегда посигналит А. В. Гайтанов. Его дети, сидящие рядом в машине, понимающе спросят: “Дяде Саше?”

Да, это важно, чтобы мы помнили. Чтобы создавались Книги Памяти, Книги Скорби – как предостережение, как вечно звучащий колокол. Ведь за каждой похоронкой – чья-то судьба. Чья-то оборвавшаяся жизнь.

А кто измерит, чем стал Афганистан для друзей погибших, для их близких, родных? Для их отцов и матерей, для жен, ставших вдовами в двадцать с небольшим лет? Для детей, оставшихся сиротами?

Зоя Алексеевна Муравьева смогла прожить после смерти сына только два года. Ей было 52, когда сердце остановилось. Отец продержался еще два года...

7 июня придите на воинское кладбище Череповца. Там могила старшего лейтенанта Александра Александровича Муравьева. Рядом похоронены его родители. Вы обязательно встретите там его родных, однокурсников, друзей. Туда приходят и ученики школы N 20.

7 июня – день, когда его не стало. День его памяти.

* * *

Через пять лет А. А. Муравьев был награжден орденом Красной Звезды (посмертно).

И. Ромина